

Вырезка из газеты

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

18 МАИ 1954

Москва

Газета №

МОЙ ВЕЛИКИЙ ЗЕМЛЯК

ТРИСТА лет назад в Переяславе прозвучало единодушно, всенародно:

— Навеки едины с русским народом!

Нельзя измерить всю глубину влияния великой русской литературы на развитие родной украинской...

Если говорить лично о себе, то работа над переводами произведений Пушкина (прозы), Гоголя, Сухово-Кобылина, Чехова, Маяковского и ряда современных советских сатириков и юмористов намного обогатила мою творческую сокровищницу.

Никто из украинских писателей не забывал никогда, не забывает и не забудет прекрасных слов великого Ивана Франко:

«Мы любим великорусский народ и желаем ему всякого счастья, любим и чувствуем его язык...»

Я еще и в школу не ходил, когда впервые узнал, что в местечке Сорочинцах родился великий русский писатель Николай Васильевич Гоголь, написавший «Сорочинскую ярмарку».

Почему именно столько всего поразило меня то, что Гоголь написал «Сорочинскую ярмарку»?

Ярмарка в нашем городишке была для нас, детей, большим праздником. Отец давал нам на ярмарку по целому пятаку, и как же можно было на тот пятак наладомиться: и шипучки под навесом балагана выпить, и кренделей купить, и конфет барбарисовых целых пять штук на копейку! А пряники-коники, розовые с золотом, аж два на копейку! А цыгане и кони! А карусели! Ах, ярмарка — мечта детей!

И вот в Сорочинцах родился писатель, который про ярмарку написал! Стало быть, и про шипучку, и про коней, и про цыган, и про крендели, и про конфеты, и про карусель?

Какой же это, должно быть, хороший писатель!

Вот почитать бы! Эх, скорей бы в школу!

Родители мои жили в небольшом хуторе, неподалеку от большого местечка, бывшего Зиньковского уезда, на Полтавщине.

До Сорочинцев от нас — 45 километров, до Полтавы — 75, до Диканьки — 60.

Отец — мы, дети, об этом знали — ездил и в Сорочинцы и в Полтаву.

В Сорочинцах жили какие-то наши родственники. Барыня по разным делам посылала отца в Полтаву, а что на свете есть Диканька, мы узнали по этикеткам на пивных бутылках, на которых вдвоем с братом мы по складам прочитали: «Пиво Диканского завода князя Кочубея. г. Диканька».

И тогда к матери:

— Мама, что такое князь?

— Мало мне с вами хлопот, чтобы я еще князьями мозги себе высушывала! Побегу, погляди, где гуси? Да нос утри, князь ты мой замурзанный!

Не знаю, может быть, тогда мне было пять лет, может — шесть, но только помню однажды как-то летом в доме у нас началась какая-то необычайная тревога. Отец что-то потихоньку говорил матери, мать охала, ахала, хваталась за веник, мела хату и спрашивала отца: — Да что ж они едят? Чем мы их угощать будем?

А отец спокойно отвечал:

— Есть будет то, что и мы едим! Только вечером выяснилась причина тревоги.

За ужином, когда вся семья была в сборе, отец сказал нам, детям, а нас, детей, сидело за столом мало ли — ужинали не из одной миски, а из целых трех:

— Вот что, детки! Приезжают к нам в гости сорочинские дядька и тетка. Идут они на богомолье в Охтырский монастырь, а по дороге заедут к нам. Захотелось им поглядеть, как мы живем. Хотя они нам не больно близкие, какие-то троюродные, да, однако, — родственники. Они богатые: в Сорочинцах у них целые хоромы, а детей у них нет. Так вот, ребята, как они приедут, вы на

Остан ВІШНЯ

глаза им не лезьте, а как станут вздориться, поделайте ручки, отвечайте только тогда, когда о чем-нибудь вас спрашивать будут, а лучше в садике побольше да на огороде гуляйте, — сейчас лето.

...Именно тогда в саду дядька, глядя меня по голове, спрашивал:

— А ты о Сорочинцах слыхал?

— Слыхал! Да вы же там живете!

— А о Гоголе слыхал?

— Про какого, дядя, Гоголя? Нет, не слыхал!

— Вот когда ты пойдешь в школу, научишься читать, тогда узнаешь, что в Сорочинцах, где мы живем, родился писатель Николай Васильевич Гоголь, который написал «Сорочинскую ярмарку». И родился он на нашей улице.

Я уже не помню, говорил ли он еще о чем, что написал Н. В. Гоголь, но про «Сорочинскую ярмарку» помню хорошо.

И показалось мне тогда, что дядька горд не потому, что был на свете великий Гоголь, а потому, что Гоголь-то родился «у нас, в Сорочинцах» и не на какой-либо другой улице, а «на нашей улице»!

Вот, мол, какие мы!

А у меня тогда, после этих дядиных слов, аж внутри заклопоталось — так в школу захотелось. Хотелось научиться читать, чтобы можно было прочесть «Сорочинскую ярмарку».

Ох, как давно-давно это было!

★

Родители мои были грамотные, то есть они умели читать и писать. Библиотеки дома у нас никакой не было. Из книг, имевшихся у нас, припоминаю только две: евангелие в красной обложке и подшитый за какой-то минувший год журнал «Русский паломник». Откуда он взялся, этот «Паломник», господь его ведаст. Не припоминаю, чтобы отец когда-нибудь читал евангелие, он только аккуратно и старательно записывал на последнем чистом листе, когда и кто из нас, детей, родился.

Когда он исписал весь этот листочек, пришлось прилепить еще один: не вмещались новорожденные. Мать же, вспоминая, очень часто принималась за «Русский паломник». По субботам, вечерами, обязательно читался «Паломник».

Другой какой-либо книги, которую читала бы мать, — не припоминаю.

Когда уже мы пошли в школу, научились читать, книги брали в библиотеке, которая находилась в местечке при «волостном правлении».

Библиотека, правду надо сказать, была небольшая и на всю огромнейшую волость — одна. Книги были зачитаны, подклеены, склеены, переклеены, и все же читать их можно было.

Были в библиотеке и произведения Н. Гоголя.

Я осуществилась моя мечта.

Я прочел «Сорочинскую ярмарку». Это была, пожалуй, первая книга, которую я самостоятельно прочитал.

Разумеется, я взял сборник «Вечера на хуторе близ Диканьки». И как я обрадовался, когда сразу же после предисловия пасечника Рудого Панька я увидел «Сорочинскую ярмарку».

Читано было и перечитано: и «Вечер под Иваном Купала», и «Майская ночь», и «Страшная месть», и т. д., и т. д. ...

А вечерами мы, дети, играли в «Красную свитку», пугали всех, бежали, хрюкали, аж покуда мать веником не отдубасит.

★

Так вот с детства и до старости с Н. В. Гоголем.

Имел ли влияние Н. В. Гоголь на мое творчество?

Ну, а вы как думаете?

Разве может писатель, любой писатель, а тем более писатель такого

жанра, как я, пройти мимо творчества моего знаменитого земляка Николая Васильевича Гоголя?

И читал, и изучал, и каждый раз удивлялся: откуда бралось, из каких источников, каким чудесным фонтаном било чарующее гоголевское слово?

И Сорочинцы на месте, — да еще какие теперь Сорочинцы! И Диканька процветает, да еще какая Диканька! И в Миргороде уже давно лужа высохла, и Миргород уже не тот, который описывал Гоголь, а чудесный советский курорт, а второго Гоголя нет!

Неужели Николай Васильевич вобра в свой талант все смех, все чары, всю красоту, все краски жизни?

— Нет! Нет! Нет!

Николай Гоголи не каждый год рождаются, но, подождите, настанет день, когда появятся чарующие советские «Вечера».

Может быть, они будут не близ Диканьки, а близ Каховки, а если не близ Каховки, то близ Шевченковской МТС, но будут!

Непременно будут!

Слово великого Гоголя не только не умрет, а даст чудесные ростки.

— Даст! Даст! Даст!

★

К юбилейным торжествам по случаю столетия со дня смерти Н. В. Гоголя мне выпала большая честь работать над переводами драматических произведений моего великого земляка на украинский язык.

Я перевел «Ревизора», «Женитьбу», «Игроков», «Комментарии к постановке «Ревизор» и «Театральный развезд».

И «Ревизор», и «Женитьба», и «Игроки» уже были переведены на украинский язык, но литературоведы считают, что переводы эти не совсем удовлетворительные, переводчики отошли от оригинала, не сумели сбечь в переводах аромата гоголевского слова.

Первым перевел «Ревизора» и первым поставил его на Украине корифей украинского театра Николай Карпович Садовский (Тобилевич) — один из знаменитых трех братьев Тобилевичей (Карпенко-Карый, Садовский, Саксаганский).

Городничего играл сам Садовский. Играл он исключительно. Мне довелось посмотреть «Ревизора» в театре Н. К. Садовского. Хлестакова тогда играл (тоже прекрасно) ныне народный артист СССР Иван Александрович Марьяненко.

Говорили, что знаменитый В. М. Давыдов, артист Петербургского императорского Александринского театра, один из лучших исполнителей роли городничего, приезжал в Киев смотреть, как играет городничего Садовский.

Перевод Н. К. Садовского теперь, пожалуй, несколько устарел и нужен новый, но других переводов мне читать не приходилось.

Разумеется, судить о своей работе я не буду, скажу только, что, занимаясь литературой, никогда я не испытывал волнения, подобного тому, какое чувствовал, переводя произведения Н. В. Гоголя.

Передать красоту, прелесть, аромат гоголевского слова — это трудная задача, трудная и ответственная.

Я сердечно благодарен поэту-академику, лауреату Сталинской премии М. Ф. Рыльскому за его большую помощь мне в этой работе...

Украинской советской литературе нужны точные переводы произведений Гоголя, и если мне выпала честь переводить великого писателя, то это, конечно, не значит, что работа сделана как следует и что к ней не нужно возвращаться снова и снова, чтобы получился перевод, достойный несравненного оригинала.

Вот так с раннего детства и до преклонных лет с великим земляком своим, с Н. В. Гоголем, в сердце!

Вот так всю жизнь вместе с великой русской литературой, вместе с великим русским народом!

Перевод с украинского.